

За последние пару лет Цинлу редко видела Цзиньли такой оживлённой. Заметив, как та расцвела в улыбке, она и сама невольно заулыбалась:

— Уже иду!

Не слышалось ни цитр, ни барабанной дробы, но стоило зазвучать одинокой пипе, как её чистый голос мгновенно завладел вниманием, увлекая за собой.

Под этот струящийся напев Цзиньли плавно обернулась. Она приподняла руку, на миг прикрыв лицо тонкими пальцами, и, ослепительно улыбнувшись, закружилась в быстром, изящном пируэте.

Прогиб, порыв, мягкое покачивание, стремительный разворот и глубокий изгиб назад...

Мелодия становилась всё быстрее, и движения Цзиньли ускорялись вслед за ней. Казалось, перед глазами кружилась хмельная красавица: в такт её покачиваниям взмывали расправленные рукава и веером расходился узорчатый подол.

Перед взором оживала великолепная эпоха Великой Тан — роскошная картина закрытого императорского пира. Сквозь манящую, порочную негу проступала щемящая тревога, заставляя замирать сердце. Вот драгоценная наложница Ян, хмельная, кружится в павильоне Ста Цветов, вот она неистово танцует на дворцовом пиршестве, а вот — в полузабытьи у дикой груши в Моельне — подносит к губам чашу с ядом, чтобы навсегда уснуть в объятиях собственных грёз.

Хотя в самом начале танца улыбка Цзиньли казалась лёгкой и радостной, теперь она сделалась пугающе яркой. В изломанные, неистовые движения её тени вплеталось новое, тяжёлое чувство.

В этот миг Цзиньли будто и впрямь опьянела. Забыв о заученных па, она отдалась воле струн и танцевала чистую импровизацию.

Сы Вэй, заметив это, внезапно выкрикнул:

— Мало! Всё ещё мало!

От этого резкого окрика пальцы Цинлу, сидевшей на расшитом табурете, не остановились, но она испуганно и кротко, как лань, взглянула на Сы Вэя.

Но посреди залы на третьем этаже Цзиньли двигалась всё неистовее. Рукава взмывали вверх, юбка кружилась безумным вихрем; в её резких, прерывистых жестах сквозило отчаяние человека, чью душу затопила буря хмельных чувств.

Сы Вэй покачал головой:

— Не верю! Мало стыда и гнева!

— Мало ненависти!

— Мало хмеля!

— С начала!

Мелодия уже близилась к развязке, но обрыва не случилось. Цинлу заиграла быстрее, пальцы замелькали над струнами, и вместо финального аккорда она, повинаясь воле Сы Вэя, увела мотив на новый круг.

Цзиньли, увлечённая безумным танцем, словно и не заметила, что музыка зазвучала сначала. Она полностью растворилась в собственном мире.

И чем дольше она кружилась, тем свободнее становились её движения. С каждым шагом изливалась наружу затаённая обида, годами копившаяся в груди. Это уже не походило на лёгкое опьянение — то было исступлённое, бесчувственное забытие.

Хмель смывал злость, принося взамен горькое опустошение и нежелание возвращаться в реальность.

Наконец, под резкий, жалобный стон лопнувшей струны пипы, Цзиньли опустилась на колени. Её широкие рукава распластались по полу. Она медленно приподняла локоть и тонкими пальцами, сложенными в изящном жесте, поднесла к губам невидимый кубок. Под угасающее эхо оборванной мелодии она запрокинула голову, выпивая эту чашу до дна.

Настала оглушительная тишина, пропитанная щемящей тоской.

Прошло немало времени, прежде чем Сы Вэй негромко зааплодировал. Сухие, редкие хлопки заставили обеих девушек очнуться.

Цзиньли подняла голову, переводя взгляд с вставшего Сы Вэя на растерянную Цинлу, сжимавшую сломанный инструмент. Наконец она глубоко, с облегчением вздохнула:

— Переделываем. И музыку, и танец.

Сы Вэй мягко улыбнулся:

— Ничего. Время ещё есть.

Вот только времени на самом деле почти не оставалось.

Сочинение музыки, постановка шагов, подбор нарядов, причёсок и грима, бесконечные репетиции и правки — всё это требовало сил, но собираться втроем каждый день они не могли.

Как бы ни падала слава Цзиньли, в прошлом она носила звание первой красавицы борделя, и преданные ценители у неё ещё оставались. Стоило на пороге появиться гостю, как Сы Вэй приходилось возвращаться в свою прежнюю каморку для прислуги. Там ему докучали молодые служанки — девчонки лет тринадцати-четырнадцати, которые постоянно вертелись рядом, пытаясь выведать его секреты и то и дело отпуская язвительные шпильки.

Сы Вэй, впрочем, времени зря не терял. По сравнению с прислугой, приставленной к куртизанкам, он жил вольготнее: не дежурил по ночам, не прислуживал господам. Когда Цзиньли была свободна, он шлифовал вместе с ней рисунок танца. Когда же к ней приходили гости, он брал уголёк, стопку дешёвой бумаги и отправлялся в главный зал Башни Весенней реки. Сы Вэй бродил по этажам, присматриваясь, как ложится свет от вечерних фонарей.

В глазах здешних служителей борделя это выглядело дико: худенькая, чернявая девчушка с молчаливого согласия матушки Фэн носилась по этажам с холщовой сумкой через плечо. Из этой сумки, где лежали тяжёлые бронзовые зеркала, выпрошенные у госпожи Чжао, она то и дело вытаскивала то одно, то другое стекло. Та прикладывала их к перилам, колоннам и даже к резным деревянным консолям под потолком второго этажа.

Закончив примерку, она что-то усердно чертила углём на клочках бумаги, выводя непонятные каракули.

На самом же деле Сы Вэй высчитывал интенсивность освещения и углы преломления световых лучей.

В этом мире не существовало ни прожекторов, ни мягких рассеивателей, ни отражателей. Приходилось обходиться начищенной медью. Сы Вэй даже заметил бочки с водой во дворе Павильона Туманов: там намерз чистый, прозрачный лёд. Он собирался вытесать из него ледяные линзы, чтобы фокусировать и преломлять пламя светильников.

Конечно, в жарко натопленных залах лёд долго не протянет, но если сделать заготовки потолще и приставить к ним человека для присмотра, на один танец их точно хватит.

Однако расстановку зеркал и ледяных линз требовалось просчитать до мельчайшего шага. Сы Вэй приходилось постоянно координировать действия с Цзиньли, Цинлу и даже с незримо направлявшей их матушкой Фэн. К тому же выступление не могло обойтись одной лишь пипой — Цзиньли и Цинлу часами пропадали в Здании Музыкальной мастерской, репетируя с местными музыкантами и наставниками. Там даже имелись полноценные подмости для

прогонов. В этих бесконечных хлопотах дни пролетали незаметно.

Ранним утром двадцать седьмого дня двенадцатого лунного месяца Цзиньли облачилась в расшитые танцевальные одежды и набросила на плечи тяжёлое манто из кроличьего меха. Следом за ней шла накрашенная Цинлу с пипой в руках, а замыкал шествие зевающий Сы Вэй. Все вместе они направились в Здание Музыкальной мастерской при Башне Весенней реки.

На первом этаже Здания Музыкальной мастерской высилась сцена — точная копия той, что украшала главный зал Башни. Перед ней полукругом стояли столики и кресла для зрителей, а в углах, за тяжёлыми занавесями, прятались отдельные каморки. Их использовали для репетиций, и они удивительно походили на хореографические классы будущего.

На втором этаже за ширмами слышался разноречивый голос и инструментов: там на столах лежали гусли, цитры и пипы, у стен выстроились барабаны, флейты и шэны. Третий же этаж полностью отвели под жилые комнаты для наставниц танцев и музыкантов.

Матушка Фэн не случайно назначила смотр именно на двадцать седьмое число. Банкет в канун Нового года должен был начаться вечером двадцать девятого дня и греметь до самого рассвета первого дня нового года. До этого момента каждый номер программы следовало показать хозяйке лично.

Она оценивала мастерство артисток и распределяла очерёдность их выходов.

Когда Сы Вэй с девушками вошли в зал, там было почти пусто. Посреди партера, прямо перед сценой, восседала матушка Фэн в праздничной красной кофте с золотым шитьем. Позади неё грозными изваяниями выстроились полдюжины дюжих прислужниц.

В помещении было жарко натоплено. Сбоку от сцены висел плотный занавес, из-за которого то и дело выбегали служанки с ворохом шёлковых нарядов — там явно шла спешная подготовка.

Заметив вошедших, матушка Фэн опустила чашку на резную подставку, вальяжно откинулась на спинку кресла и приподняла подбородок:

— О, легки на помине.

Она покосилась на суетящихся за занавеской служанок и усмехнулась:

— Ты-то, Цзиньли, правила прогона знаешь как свои пять пальцев. Не то что эти неоперившиеся глупышки — притащились ни свет ни заря, а толку чуть. Раз уж вы здесь, не будем терять времени. Поднимись на сцену и задай тон. Пусть посмотрят, как работают мастера, чтобы на следующем Весеннем пиру мне не пришлось созерцать этот балаган.

Матушка Фэн кивнула в сторону подмостков:

— Ступай.

Цзиньли без лишних слов поклонилась, развязала тесёмки манто и скинула его на руки служанке, представ перед хозяйкой во всём великолепии.

И лишь когда Цзиньли в сопровождении Цинлу направилась к ступеням сцены, матушка Фэн была искренне изумлена.

Обычно Цзиньли предпочитала небрежный, даже ленивый стиль: свободный узел волос, едва заметные белила, чуть подведённые брови — вся её фигура дышала холодной отстранённостью. Но сегодня её волосы были уложены в высокую, сложную причёску.

Пряди, закрученные причудливыми жгутами, вздымались над головой и мягкой волной клонились набок, напоминая клубящиеся предгрозовые тучи. Причёска казалась столь свободной, словно готова была рассыпаться от малейшего дуновения, но при каждом шаге Цзиньли укладка оставалась безупречно неподвижной.

В тёмных волосах тускло поблёскивали парные шпильки, чьи шёлковые лепестки и длинные серебряные листья изящно огибали узел причёски, перекликаясь с жемчужным убором у виска. С каждым движением головы длинные нити подвесок-буяо тихо покачивались, ловя свет.

Всего три украшения, но в сочетании с изысканным гримом они создавали образ утончённый, гордый и по-настоящему царственный.

Ярко-алое платье с широкими, летящими рукавами огненным сполохом прорезало полумрак зимнего зала. Прежняя холодная недоступность уступила место величавой грации, от которой невозможно было отвести глаз.

Благородства Цзиньли было не занимать и раньше, но прежде оно казалось высокомерным. Теперь же, благодаря наставлениям Сы Вэй и великолепному наряду, её манеры обрели властную, почти капризную изысканность, рождая ощущение истинного величия.

Цинлу ещё только подходила к своему месту на сцене, а её пальцы уже пробежали по струнам. Едва сорвался первый чистый аккорд, как ему послушно вторил малый оркестр, притаившийся внизу у сцены.

Стоило Цинлу опуститься на изящную скамью, как заунывное, щемящее вступление подошло к концу. Цзиньли плавно вскинула руки, и взмах её алых рукавов ознаменовал начало драмы — легендарного танца «Хмельной наложницы».

Из Павильона Туманов пришли всего трое: двое выступали, а Сы Вэй остался внизу единственным зрителем от их двора.

Заметив краем глаза, что матушка Фэн манит его пальцем, Сы Вэй оставил танцовщиц и тихонько подошёл к ней:

— Звали, матушка?

Матушка Фэн, не сводя глаз с кружившейся на сцене Цзиньли, одобрительно качнула головой и покосилась на юношу:

— Не думала, что с её упрямым норовом ты сумеешь её расшевелить. Гляжу на неё и думаю... неужто девка наконец за ум взялась?

Сы Вэй лишь уклончиво усмехнулся, уходя от прямого ответа:

— Разве у госпожи Цзиньли был выбор?

Матушка Фэн не стала спорить. Понизив голос, она сухо произнесла:

— От хозяина пришли вести. Сюда едет важный гость из столицы, держит путь на юг. Приглашение ему уже отправили, так что на банкете в канун Нового года он точно будет у нас.

В её обычном тоне вдруг проскользнул глубокий смысл:

— Если Цзиньли сумеет разыграть эту карту... кто знает, быть может, перед ней откроется совсем иная дорога.

<http://bllate.org/book/18280/1759313>